

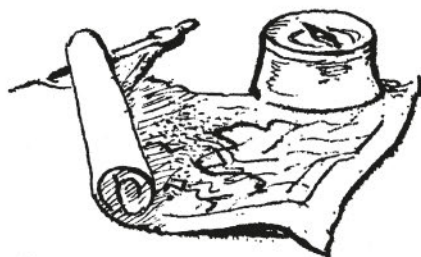
Романы Николая Задорнова,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»:

АМУР-БАТЮШКА
ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА
ДАЛЕКИЙ КРАЙ
ПЕРВОЕ ОТКРЫТИЕ
КАПИТАН НЕВЕЛЬСКОЙ

Николай Задорнов

КАПИТАН НЕВЕЛЬСКОЙ

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
З 15

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации Ивана Архипова

Задорнов Н.

З 15 Капитан Невельской : роман / Николай Задорнов. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 736 с. : ил. — (Русская литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-28797-6

Николай Павлович Задорнов (1909–1992) — известный писатель, автор романов, повествующих об освоении Сибири и Дальнего Востока русскими первопроходцами, чьи имена навсегда останутся в памяти народа. Особое место в творчестве Н. П. Задорнова занимает цикл произведений о выдающемся мореплавателе Г. И. Невельском, руководителе Амурской экспедиции, способствовавшей укреплению России на Тихом океане. В настоящее издание вошел самый известный роман из этого цикла, в котором показана широкая панорама жизни России в 1840–1850-е годы, рассказано о напряженной борьбе, которую пришлось вести Невельскому за осуществление своих идей, проникнутых заботой о процветании Родины.

Текст романа сопровождается редкими иллюстрациями замечательного советского художника-графика И. Д. Архипова (1926–1993).

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Н. П. Задорнов (наследники), 2025
© И. Д. Архипов (наследник),
иллюстрации, 2025
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28797-6

КНИГА ПЕРВАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОХОТСКОЕ МОРЕ

Это был энергический, горячего темперамента человек, образованный, самоотверженный, гуманный, до мозга костей проникнутый идеей и преданный ей фанатически, чистый нравственно. Один из знавших его пишет: «...более честного человека мне не случалось встречать». На восточном побережье и на Сахалине он сделал себе блестящую карьеру в какие-нибудь пять лет, но...

А. П. Чехов. Остров Сахалин

Глава первая

ОХОТСКИЙ ТРАКТ

Среди редких берез раздавался перезвон колокольцев. Хлюпая копытами по болоту, по зарослям прошлогодней травы продвигался караван всадников. Впереди на низкой и толстой гнедой лошади ехал якут в халате из солдатского сукна, с ружьем за плечами и с ножом в деревянных ножнах. Несмотря на жару, он был в суконной шапке, подбитой мехом куницы. Там, где белый сухостой трав становился плотным, якут раздвигал его руками, подымая тучи мошки и комарья, а его гнедой конь с треском ломал дудки старых стеблей и втапывал их подковами в мокрую свежую зелень.

Следом ехал рослый молодой казачий урядник, сероглазый и скуластый, с редкими жесткими русыми усами. За ним старые и молодые якуты верхами вели одну за другой выючных и запасных лошадей.

Это шел передовой отряд. Люди в нем были опытными проводниками по тайге. Сопровождая казенные караваны и путешественников, не раз проходили они тысячеверстный путь от реки Лены через хребты к берегам Тихого океана и обратно с караванами пушнины и шкурами морских зверей, привезенными

на судах в Охотск из Русской Америки. Но никогда еще ни одному из них за все время существования тропы не приходилось сопровождать такую важную особу, как в этот раз.

Вьюками везли одежду, теплые одеяла, ковры, палатки, консервы, ящики с винами, сахар, крупы и фрукты, поросят в клетке и живых баранов на крупах коней.

Урядник то и дело поглядывал на одну из лошадей, несшую на себе два длинных полуторааршинных ящика. Это был самый важный груз. В ящиках уложен, как называли господа, «несесер», или, попросту говоря, посуда. Урядник знал, что если эта посуда разобьется, то с ней вместе рухнет и вся его карьера и никакими подвигами дела потом не поправишь. В ящиках находилось все, что нужно для того, чтобы накрыть стол на семь человек, привыкших жить в свое удовольствие. Там был даже всегда сверкавший самовар, который восхищал якутов своим устройством.

Тут же ехал господский повар Мартын, плотный мужчина со строгой мясистой физиономией. Отряд потому и шел впереди, чтобы повар успел, когда подъедут господа к месту привала, приготовить к обеду закуску, суп, рыбу, жаркое, сладкое. Один из казаков, опережая всех, добывал дичь. В селениях известно было, кто едет, встречали гостей свежей провизией, били последних кур, резали телят. Мартын считался в отряде важной персоной. Он ел с барского стола. Все знали, что повар получает жалованья шестьсот рублей серебром в год, куда больше, чем многие чиновники в Аяне, в Охотске и даже в Якутске. Поэтому в передовом отряде беспрекословно исполняли все его повеления.

Когда всадники поднялись по заболоченному склону на возвышенность, урядник оглянулся. Внизу, среди моря мертвых трав и редколесья, змеей залегла вытоптанная караваном тропа. А далеко-далеко — только очень зоркий глаз мог разглядеть — чуть виднелись какие-то белые острые предметы.

«Эвон сам-то!» — подумал урядник.

— А ну, давай живей! — прикрикнул он на якутов и, хлестнув своего коня плеткой, поскакал, обгоняя караван, так, что грязь полетела из-под копыт. Якуты защелкали языками и погнали лошадей. Караван быстро пошел на подъем. Начинались западные отроги хребта. За этими холмами далеким синим облаком всплыл Становой кряж, а где-то там, за ним, был океан.

Урядник осадил коня, осматривая мчавшиеся мимо выюки. Он поскакал следом за огромной продолговатой коробкой из листового железа. Углы ее были закруглены. Она походила на громадный футляр для гитары.

— Н-ну! — пригрозив плетью лошади, несшей на себе этот предмет, воскликнул урядник. — Никак музыку таскать не привыкнет! Все ей чё-то мерещится... Н-но... Какая тебе зараза чудится?.. Гудит, что ли, в ей? Пошла... Ково бояться?

Верховые якуты с урядником и поваром и выючные кони вытянулись вереницей, огибая полосатую стену из огромных, чуть позеленелых могучих белых берез и бурых лиственниц, над которой круто шел вверх кудрявый от леса склон сопки. Вскоре передовой отряд исчез.

Через полтора часа на эту же возвышенность поднимался второй отряд. Впереди ехал якут с седой бородкой клином, с черными глазами навывкате, белки их были желты и в кровавых прожилках. Конь его пег и лохмат. На плече у якута сидел сокол.

За ним следовал молодой якут с ружьем за плечами и с глиняным горшком на крупе лошади, на который положена кошма. В горшке дымились гнилушки, отгоняя мошку и комаров.

На белогубом вороном жеребце ехал плотный человек в плаще и в генеральской фуражке. Лицо его было прикрыто черной волосяной сеткой, а затылок и уши затянуты белым чехлом, надетым под фуражку.

Муравьев — генерал-губернатор Восточной Сибири — направлялся к морю, желая видеть весь свой великий край, а особенно Камчатку с ее превосходной Петропавловской гаванью.

Еще в прошлом, 1848 году Муравьев обещал государю, что побывает там. На Камчатку возлагались большие надежды. Россия владела побережьем Тихого океана на огромном протяжении, но не имела ни единого удобного порта. Жалкая тропа, по которой якуты вели караван губернатора, была единственным путем на океан. А на Камчатке — великолепная гавань. Пока об этом писали в русских газетах, в Петербурге не беспокоились. Но вот в «Таймсе» появилось несколько заметок об удобстве Авачинской бухты и о богатствах Берингова и Охотского морей, и царь повелел обратить особое внимание на Камчатку. Он приказал основать там центр русского могущества и влияния на

Тихом океане. Муравьев понимал, что царь вовремя принял такое решение. По многим признакам англичане, как он полагал, могли со временем протянуть руки к этой драгоценности, которую Россия до сих пор как следует не берегла.

Еще чуть ли не сорок лет тому назад Крузенштерн, восхищаясь Авачей, писал: «...великое отдаление Камчатки не может, однако ж, быть... причиною, что оставляют ее в бедственном положении. Порт-Джексон в Новой Голландии¹, на переход к коему из Англии употребляется не менее пяти месяцев, невзирая на сие отдаление, сделан в двадцать лет из ничего цветущей колонией». Муравьев недавно перечитал Крузенштерна и подчеркнул эти слова. Видно, и царь знал эту книгу или хорошо помнил мнение покойного Крузенштерна.

«Камчатка должна быть цветущей страной!» — полагал губернатор.

Но Крузенштерн писал, что снабжать Камчатку надо из Петербурга! Конечно, это будет флоту слава и школа морякам. Но нужен еще и внутренний путь к ней. Ныне иные времена, не то что при Крузенштерне. Тихий океан уже скоро не будет тихим. Без внутреннего пути мы не создадим процветающей Камчатки.

Выехав из Иркутска, губернатор проделал огромный путь на судах по Лене до Якутска и теперь на лошадях через хребты, леса и болота направлялся к берегу океана, в порт Охотск. По сути дела, тут не было никакой дороги. Теперь он сам это видел. Снабжение Камчатки по такой тропе не могло быть удовлетворительным. Каждый пуд груза поставлялся вьюком, с большими трудностями.

Была еще одна новая дорога из нового Аянского порта, которую в Якутске очень хвалил вызванный туда губернатором для свидания ее строитель Завойко, начальник Аянского порта и фактории Российско-американской компании², человек удивительно своеобразный и энергичный.

В Петербурге, в правлении Компании, довольны были этой новой дорогой и утверждали, что лучшего пути России и не на-

¹ Новой Голландией в XVII веке называли Австралию.

² *Российско-американская компания* — торговая компания, созданная в 1799 году с правом использования ресурсов русских владений в Америке. Просуществовала до 1867 года, когда Аляска была продана США.

до желать на Востоке. Перевозка мехов, добытых на промыслах в Аляске, шла якобы по аянской дороге как нельзя лучше...

Муравьев соглашался, что аянская дорога, видимо, лучше этой охотской, которую он уже проклял в душе, и обратный путь намеревался совершить по той, чтобы увидеть ее и сравнить обе дороги.

Он знал, что необходимо получить право плаванья по реке Амур. Только тогда вопрос будет решен радикально и окажется возможным снабжать Камчатку как следует. Но Амур и его устье не были известны. Это почти белое пятно на карте. На исследование устья Амура должен был идти капитан Невельской. Пока что об экспедиции нет никаких сведений. Невельской в прошлом году вышел в кругосветное плаванье из Кронштадта и предполагал весной быть на Камчатке. Чтобы передать Невельскому инструкцию и разрешение производить опись устьев Амура, послан был весной в Охотск из Иркутска любимец и близкий родственник губернатора, совсем еще молодой человек — штабс-капитан Корсаков. Но в Якутске губернатор получил от Корсакова письмо. Тот не вышел в море. Охотский порт был затерт льдами. Невельской не получил инструкции.

Муравьев надеялся, что сам встретит капитана Невельского после его путешествия и из первых уст узнает от него, что же с Амуром... И вот в то время, когда Муравьев начал осуществлять свои планы, в спину ему нанесен удар...

Конь ровной и быстрой рысью бежит по скользкой траве; Муравьев сидит привычно прямо, и, только если хорошо знать его, можно догадаться по тому, как избоченился губернатор и как откинул голову чуть на сторону, что он думает с гневом о чем-то.

Путешествие началось как нельзя лучше. Оно было очень остроумно задумано Муравьевым и превосходно подготовлено. Предполагалось, что это будет не только патриотический подвиг, грандиозный осмотр владений и разгром чиновников во всех медвежьих углах, но и к тому же увеселительная прогулка. Муравьев умел совмещать полезное с приятным. Он любил путешествовать. Смолоду прошел с русскими войсками многие дороги Балкан и Кавказа. Он бывал в Европе, хорошо знал Францию и умел с европейским комфортом пожить по-русски и с русским размахом. Оригинально совершить такое путешествие: Лена,

Якутия, Охотск, проклинаемый всеми морями, потом Тихий океан, Камчатка!..

Началось отлично, и все были веселы. Но вот в Якутске, когда губернатор однажды отдыхал в кругу своих, явился курьер из Иркутска. Он привез пакет от иркутского гражданского губернатора Зарина...

Муравьев нахмурился, взял пакет, извинился и по перекошенному дощатому полу прошел в кабинет.

— По Становому хребту! — ударив кулаком по столу, в бешенстве вскричал он за дверью.

В Иркутск по высочайшему повелению прибыла из Петербурга экспедиция под начальством подполковника Ахтэ для проведения границы там, где этой границы не было.

Это было совершенной неожиданностью. Муравьев ни о чем подобном не слышал ни в Петербурге, ни в Иркутске. Все было подготовлено внезапно, и экспедиция свалилась как снег на голову. Очевидно было, что все это неспроста. Муравьев, сам служилый человек, знал, как делаются подобные дела. Царь, с большой неохотой согласившийся послать Невельского к устью Амура и подписавший своей рукой инструкцию на опись, ныне посылал новую экспедицию, чтобы, еще не зная результатов описи Невельского, окончательно отказаться от Приамурья, потерять права на него, лишить Россию великой реки, сделать бессмысленной морскую экспедицию «Байкала»... Одна и та же рука повелевала делать два дела, противоположные друг другу. Ясно, что тут интрига, подлая придворная интрига... Муравьев догадывался, чьих это рук дело и к чему оно клонится.

Он успокоился и заходил по комнате, обдумывая ответ.

— Не желают ждать результатов исследований! Знают, зачем я уехал, так решили все провалить! Именно в то время, когда меня нет в Иркутске, когда я сам еду, чтобы выяснить все и все возможное сделать для возвращения Амура России... — так говорил он одному из своих спутников, молодому чиновнику Бернгардту Струве, сыну известного ученого и строителя Пулковской обсерватории. Этот белокурый молодой человек, огромного роста, с большими руками и крупным носом, недавно окончил императорский лицей и приехал служить в Иркутск к Муравьеву.

Губернатор был откровенен со Струве.

— Для англичан стараются они в Петербурге! Экая подлость!

Муравьев распорядился экспедицию Ахтэ задержать в Иркутске до своего возвращения. Вечером он надумал, что подполковника Ахтэ и его инженеров надо либо убрать из Иркутска, либо чем-то занять, и решил отправить всех на время своего путешествия в горные районы Забайкалья на поиски золота и металлов.

Муравьев отлично понимал, что он делает, отдавая такой приказ. Это означало, что высочайшего повеления он не выполняет. Поэтому с тем же курьером Муравьев послал докладную записку на высочайшее имя с изложением причин, по которым экспедиция подполковника Ахтэ задержана. Муравьев написал царю, что в видах будущего величия России рискует остановить экспедицию... Курьер с пакетами уехал на другой день вверх по Лене. Каков будет ответ и каково решение — неизвестно. С этим же курьером пошли и другие письма в Петербург.

И вот сейчас, сидя на якутском иноходце, губернатор мысленно переносился в Петербург. Глядя сквозь сетку из конского волоса, он видел не печальную весну севера, не леса и луга Сибири, а своих заклятых противников — канцлера России графа Несельроде, его подручного Льва Сеньявина...

Теперь на все время путешествия глубокая забота овладела Муравьевым, хотя по виду его почти никто об этом не догадывается. Ответа он не получит ни в Охотске, ни на Камчатке...

Все спутники понимали, что, приказав задержать экспедицию, посланную царем, и взяв на себя ответственность, генерал знал, что делал и на что надеялся.

Муравьев и в самом деле имел не одну сильную руку в Петербурге. Но все же он понимал, что могут быть неприятности, что с государем шутки плохи, и от этого настроение Муравьева было далеко не тем, с каким он пустился в путь. Он хотел исполнить волю царя, выказать рвение, отправляясь на Камчатку, а обстоятельства снова, уже не в первый раз, вынудили его стать послушником...

Теперь он думал о том, что, если экспедицией Невельского будет доказано, что Амур судоходен, все обойдется. Быть не может, чтобы царь уволил губернатора, который действует так пат-

риотически... Но если Амур на самом деле не имеет глубокого устья? На карту было поставлено все, и все зависело теперь от экспедиции Невельского.

А тропа пошла вверх, на совершенно безлесный холм. Караван подымался из душной, забитой мошкой травянистой долины на высокое место. Приятно подул ветерок...

«Молодцы, хорошее место выбрали!» — подумал Муравьев, завидя дым, стелющийся с вершины, и чувствуя, что проголодался. Кровь солдата и охотника заиграла в нем. Тяжелые мысли отступили. Увидев что-то белое, он решил, что полосой стелется дым. Но этот дым шумел и грохотал. «Да это поток...» — удивился Муравьев. Настоящий же дым стлался по болоту в другую сторону. Тучи шли низко. «Вьюки», как называли передовой отряд, давно ждали. Костры пылали, и обед был готов. На траве были раскинuty широкие ковры.

— Дождь будет, ваше превосходительство! — приговаривал урядник, пытаясь помочь генералу слезть с лошади, но тот сам спрыгнул.

Глава вторая ПУТЕШЕСТВЕННИЦЫ

Подшли две лошади, несшие гамак, в котором среди подушек полулежал человек в охотничьем костюме и в остроконечном белом капюшоне, с сеткой на лице. Муравьев протянул руку. Подъехавший, опершись на нее, сложил вместе маленькие ноги, обутые в мягкие сапожки, и опустил на землю.

— Я, кажется, заранее согласна плакать от дыма! — тоном откровенного признания произнес по-французски веселый женский голос. — Только бы не москиты...

Обычно на дневных привалах обедать приходилось либо в дыму, который ел глаза, либо в сетке, приподымая ее каждый раз, когда подносишь ко рту кусок.

— Сегодня москитов отгоняет ветер, — отвечал Муравьев. — Место выбрано отлично. Ветер будет обдувать нас, и ты сможешь отдохнуть! Дым идет прочь, мы обедаем с наветренной стороны... Да посмотри, какой вид! Не прелесть ли! — показал он на шумевший поток.

Рука в перчатке осторожно приподняла волосяную сетку. Большие глаза осмотрели воздух, желая видеть, не вьется ли вокруг мошка. Открылось очень молодое красивое белое лицо с крупными, но приятными чертами, с мягким овалом сильного и полного подбородка, окаймленное темными локонами, выбившимися из-под капюшона. Как-то странно было видеть среди выюков и рыжих лошадей с завязанными в узлы хвостами этот профиль греческой богини.

Она взглянула вдаль, куда показывал Муравьев, удовлетворенно кивнула головой и улыбнулась.

Екатерина Николаевна, француженка родом, лишь три года тому назад приехала в Россию, чтобы выйти замуж за Муравьева. Они познакомились в Париже. Муравьев нравился парижанам. Но именно в те дни он писал брату в Россию, что Европа дряхла.

Екатерина Николаевна любила своего супруга. Она отправилась с ним в Сибирь, делила тяготы и опасности. Очень основательно подготовившись к путешествию, она и на биваках оставалась деятельной и умной хозяйкой.

Отправляясь из Иркутска на Камчатку, Екатерина Николаевна представляла, куда она едет, и знала, что дорога будет очень трудной, но интересной. Путешествие от Якутска, несмотря на все удобства, оказалось гораздо тяжелей, чем можно было себе представить, и на первых порах она очень утомлялась...

— Чаше чередуй седло и гамак и, верь мне, будешь чувствовать себя великолепно, — твердил ей муж. И она слушалась...

...Капюшон полетел на спину, губернаторша, расстегнув куртку, улыбаясь и подымая лицо, с наслаждением открыла освежающему ветру шею, радуясь, что может освободиться от душного колпака и что нет мошки. Она смотрела вперед на синеющий хребет за рекой, который явился вдруг, как чудо, в этом плоском краю болот... Да, вид действительно прекрасен!

Подъехал всадник в костюме, сшитом, как нетрудно было заметить, рукой опытного мастера, с отделкой мехом по косому расхлесту куртки, как это делают тунгусы. Он сидел в деревянном седле, похожем на кресло. Всадник бросил книгу в опустевший гамак губернаторши, потом легко и мягко спрыгнул с коня, спружинив сжатые ноги, и быстро отбросил капюшон, открывая пышную голову в светлых, падающих на плечи локонах.

Это была известная виолончелистка Элиз Христиани... В позапрошлом году она с успехом выступала в Петербурге, в Москве и в провинции. Прошлой зимой отважилась отправиться в Тобольск, там узнала, что жена иркутского генерал-губернатора, француженка, поехала в Иркутск. В столице Восточной Сибири ее приняли прекрасно. Теперь она ехала вместе с Муравьевыми.

— О, маленький генерал, мой мучитель... — раздался очень низкий, почти мужской голос.

Это густое, низкое контральто не шло к ее юному, свежему лицу, к черным, полным живости глазам.

Элиз нравились русские. Нигде не встречала она такой отзывчивой аудитории — «пылкой, покорной и чувствительной», как говорил Берлиоз, гастролировавший в одно время с ней в Петербурге. Отзывчивую публику встретила она и в Тобольске, и в Иркутске.

Муравьевы предложили ей путешествие на Камчатку в качестве компаньонки Екатерины Николаевны. Элиз охотно согласилась, она только очень беспокоилась за свой страдивариус, но Муравьев пообещал, что футляр будет сделан из железа. Он написал в Петербург, выхлопотал Элиз разрешение на путешествие.

У Элиз черные брови; она в костюме юной тунгуски, с прической а-ля Жорж Санд, в белом кружевном воротнике.

— Это ваши Альпы, маленький генерал? — спросила она по-французски, показывая вдаль.

Она держалась с губернатором несколько фамильярно.

— Когда же подыдемся на них? Я мечтаю видеть это болото сверху... — И она сделала широкий жест рукой.

Кругом действительно было сплошное болото.

А небо было чистое-чистое, высокое, зелено-голубое...

Подошел Струве. Тонким голоском, который тоже не шел к его сильной и крупной фигуре, он доложил, что все готово.

Екатерина Николаевна, разговаривая с Элиз, прошла мимо, как бы не замечая Струве. На то были свои причины. В этом маленьком обществе было все то, что должно быть во всяком хорошем обществе. У каждого свои симпатии и своя неприязнь.

Екатерина Николаевна с детства ездила верхом и считалась хорошей наездницей, но после первого перехода на лошадях по

Охотскому тракту она была совершенно разбита и днем на остановке просила мужа раскинуть палатку и дать ей отдых.

Эта просьба Муравьеву не понравилась. Он перед отправлением из Якутска предупреждал дам, что все должны подчиняться правилам, составленным на время путешествия.

— Разговаривай со Струве, он назначен начальником экспедиции, и я сам подчиняюсь ему, — ответил жене губернатор, взглянув строго на Струве.

Через некоторое время Струве подошел к губернатору. Муравьев с проводниками стоял у якутских лошадей.

— Как быть? — спросил Струве. — Екатерина Николаевна просит разбить палатку, а по данной мне инструкции в настоящем пункте дневка не предусмотрена.

— Вы начальник экспедиции и решайте все сами, — ответил Муравьев и дал знак, чтобы якут поднял и показал копыто иноходца. — Не надо позволять ей раскисать, — добавил генерал.

Возвратившись на бивак, Струве своим тонким голоском твердо объявил Екатерине Николаевне, что в этом пункте не предусмотрено разбивать палатки, поэтому сделать ничего не может.

И Струве не удержался от удовольствия взглянуть на молодую губернаторшу с чувством превосходства, очень гордясь тем, что перед всеми поставил себя в такое выгодное положение. В то же время этой же самой строгостью и даже своей педантичностью он угождал и губернатору, а губернаторше старался помочь закалиться, привыкнуть к седлу. Он чувствовал себя в этот миг строгим доктором, чья суровость на пользу больному.

Когда Муравьев возвратился на бивак, Екатерина Николаевна пыталась объяснить, что измучена дорогой, и вдруг, не выдержав, расплакалась.

Он несколько смутился, но стал уверять, что отдыхать не следует.

— И нельзя, и не надо. Ты будешь совершенно разбита, я это знаю по собственному опыту... Я тебе желаю добра. Поверь мне, перетерпи первые дни и привыкнешь... Кроме того, — видя, что она очень обижена, добавил он таким же тоном, каким говорил с ней Струве, — я не могу приказать. Ты знаешь, что я вверил Струве командование экспедицией.

Екатерина Николаевна, вытерев слезы, взглянула на мужа с удивлением. Впервые в жизни она почувствовала себя подчиненной казенному делу. Казалось, вокруг не люди, а ходячие правила... Оставалось сесть на коня и ехать назло всем. И она поехала. «Как несчастны должны быть люди, которые слепо зависят от правил, — думала она. — И разве нельзя сделать исключения?»

Окружающим казалось, губернаторша смирилась, и как будто все шло очень хорошо, но дело испортил сам губернатор. На другой день, поздно вечером, оставшись в палатке наедине со своей супругой, он, желая, видимо, ее утешить, сказал, что, конечно, Струве, если бы захотел, мог поставить палатку...

После этого Екатерина Николаевна стала холодна с начальником экспедиции.

...Под обрывом, там, где, роясь в огромных камнях, журчала река, виднелись козы на скалах. Множество уток и гусей носилось в воздухе. Якуты и казаки охотились, слышны были их выстрелы. Муравьев несколько раз приказывал подавать себе ружье.

Урядник принес убитого олененка.

Стреноженные кони паслись на лугу, который, как видно, кошен был ежегодно кем-то из ближних жителей, и поэтому свежая трава не перемешивалась со старой, прошлогодней, хотя вокруг не было видно ни жилья, ни дыма.

За обедом Муравьев сказал Элиз с напускной серьезностью, что один богатый русский князь в Охотске давно ищет случая жениться на знаменитой иностранке. Элиз отшучивалась, но насмешки генерала ей не нравились. Она в свою очередь поддразнивала губернатора, называя маленьким генералом и сибирским Наполеоном.

Элиз была интересной собеседницей и превосходной рассказчицей. Ей было двадцать лет, но она объездила почти всю Европу, была знакома со многими знаменитыми артистами, писателями, политическими деятелями. Здесь, на охотском болоте, со своим остроумием и живостью и со своими рассказами о Европе она была очень кстати для спутников.

Вскоре все поднялись и снова надели капюшоны. Посвежавший, отдохнувший Муравьев верхом на белогубом жеребце тронулся за проводниками. За ним ехали женщины, чиновники, офицеры и казаки.

Поручик Ваганов, молодой сибиряк саженного роста, и доктор Штубендорф ехали позади дам. Ваганов был известен своим бесстрашием, он участвовал в экспедиции академика Миддендорфа и даже доходил до той мифической страны гиляков, где ныне должен находиться Невельской.

Караван подошел к тайге. Лес казался мертвым... Темные стволы и громадные ветви лиственниц и белоствольные березы только чуть зазеленели. В эту раннюю пору молодая хвоя на лиственницах была еще очень бледной и слабой, ее даже не видно, но она так обильна, что лес, кажется, тонет в зеленом прозрачном тумане, сквозь который видны и дальние и ближние стволы, и черные шершавые ветви лиственниц.

Ночевали в тайге. Вблизи не было ни реки, ни озера. Вокруг — глухая чаща, окутанная бородами лишайниками, как ветхими неводами. Из цельных сухих лесин зажгли огромные костры, вокруг которых расставлены были палатки. Двое вооруженных казаков всю ночь вслушивались в тишину...

Когда укладывались спать, где-то далеко слышались глухие удары. Муравьев вышел из палатки.

— Кто это дерево рубит? — спросил он пожилого казака.

— Гаврюха, ваше превосходительство.

— Какой Гаврюха?

— Бродяга, ваше превосходительство, беглый... Из Охотска тут бегут.

Муравьев задумался.

«Страшной, таинственной жизнью живет тайга», — подумал он.

— Наш генерал — бывалый воин, — говорил тем временем Струве, укладываясь в другой палатке рядом со своим приятелем Юлием Штубендорфом.

Доктор был старше и не так удачно делал карьеру, как Струве. Он вспомнил в этот вечер свою юность, профессора Крузэ, у которого Струве жил в Дерпте. Штубендорф часто бывал в этой семье. Профессор Крузэ пил по утрам парное молоко и того же требовал от студентов.

— Ах, Берни, — сказал доктор Юлий, тщательно подгибая под себя кромку одеяла, — молочницы, наши молочницы! Их вспомнишь, Берни, когда увидишь руки якуток!

Воспоминания о доме профессора Крузэ и молочницах очень тронули Струве. Приятели, изъеденные комарами, измученные и избитые в седлах, размечтались. Они перенеслись в Дерпт, туда, где много докторов, аптекарей, молочниц, аккуратных стариков и старушек, с утра подметающих улицы и тротуары, где очень легко и удобно жить, но очень трудно заработать и негде делать карьеру.

— Ах, юность! — натягивая одеяло, вздохнул Штубендорф.

— О, юность! — повторил Струве. — Но здесь мы в отличном положении и задаем всему тон. — Через некоторое время Струве снова поднял голову. — Вместе с генералом я встречал Новый год! — сказал он и, счастливый, уткнул голову в подушку.

Глава третья У ОКЕАНА

Караван поднимался на вершину хребта через леса и завалы камней, окутанные глубоким покровом мха, который мягкими волнами застилал и пни, и упавшие деревья.

Вскоре лес кончился. Вокруг, среди скал, была тундра. Караван вошел на перевал. Открылся светлый простор, повсюду рвались к небу вершины гор. Между ними проплывали облака... Солнце еще не всходило, и огромный купол неба до половины был в столбах красной пыли, словно горны пылали за горизонтом. На земле была тундра, а небо казалось южным, жарким.

Солнце появилось, когда караван стал спускаться с перевала. Тут уже не было тех вековых лесов, что на западном склоне. Деревья чахли от жестоких ветров: чувствовалась близость Охотского моря, в воздухе стало прохладней...

Через три дня, вблизи последней почтовой станции, на берегу реки Кухтуй, губернатора и его свиту встретила группа морских офицеров во главе с начальником Охотского порта Вонлярским.

Это был сухой старик с сизым носом и лиловыми щеками, в мундире капитана второго ранга, при орденах, в фуражке с лакированным козырьком. Он быстро отпартовал и потом многословно отвечал на вопросы губернатора.

Оказалось, что транспорт «Иртыш» прибыл благополучно с грузом из Камчатки и через два дня разгрузится и будет готов к плаванию в Петропавловск под флагом генерал-губернатора. С этим транспортом получены сведения о «Байкале». Невельской благополучно прибыл в Петропавловск из кругосветного и, не дождавшись инструкции и не желая терять время, перегрузил все на «Иртыш», а сам на «Байкале» 13 июля ушел на опись. Штабс-капитан Корсаков на боте «Кадык» ушел в море, надеясь встретить «Байкал» в Курильском проливе, но, как теперь известно, это вряд ли удастся, так как «Байкал» прошел давно... Ни о «Кадыке», ни о «Байкале» больше нет никаких сведений...

— У Невельского все оказалось в полном порядке...

«Он так и сделал, как говорил», — с благодарностью подумал Муравьев.

За деревьями заблестела вода. Десяток матросов выстроился у избы.

Через несколько часов река вынесла лодки на широкую воду. Это Охотская бухта, вернее, озеро, образованное рекой и служившее бухтой. За ней валом залегла голая коса, отделяющая бухту от моря. На этой полосе из гальки чернели дома Охотска. Высилась деревянная башня адмиралтейства и такая же церковь, сарай для рыбы и вешала. Едва лодки вошли в бухту, как с низкой бревенчатой батареей, похожей на сарай, раздались пушечные выстрелы. Одиноким «Иртыш» с голыми мачтами стоял среди песков близ прохода в море, в глубоком затоне, вырытом для кораблей.

Вид был печальный, и чувствовалось, что жизнь тут скучна и сурова.

— Как ужасно обеднели русские князья Охотска, — чуть слышно заметила Элиз.

Вонлярлярский, знавший по-французски, любезно улыбнулся, хотя такое замечание его встревожило и он не знал, как его понимать.

А за низким бревенчатым Охотском шумел и грохотал прозрачный светло-зеленый океан. Его водяные горбы то вздымались, то исчезали вдали за кошкой¹.

¹ Кошка — песчаная или галечная коса, вытянутая параллельно берегу.

НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧ ЗАДОРНОВ
КАПИТАН НЕВЕЛЬСКОЙ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Подготовка иллюстраций Валерия Макарова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Людмила Дубовая, Юлия Теплова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.04.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 4000 экз.
Усл. печ. л. 45,08. Заказ № .

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru
Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

A-ARL-37909-01-R